

С. Е. Федоров
А. И. Филюшкин

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛИЗМА

ИСТОРИЯ

УЧЕБНИК

НАЦИИ
ИМПЕРИЯ
ВОЖДЕСТВО
ЭТНОСЫ
НАЦИОНАЛИЗМ
ПЛЕМЯ
ЭТНОС И ЯЗЫК

НАЦИОНАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВО
ПРИМОРДИАЛИСТЫ И КОНСТРУКТИВИСТЫ
ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧНОСТЬ
ДИАСПОРЫ
ОБЩИНЫ
НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО
ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП
НАЦИОГЕНЕЗА
КОНЦЕПЦИИ
ФЕДЕРАЦИЯ И КОНФЕДЕРАЦИЯ
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛИЗМА

Александр Филюшкин

**История и теория
наций и национализма**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2016

УДК 930(075)

ББК 63.3я7

Филюшкин А. И.

История и теория наций и национализма / А. И. Филюшкин —
«Санкт-Петербургский государственный университет», 2016

ISBN 978-5-288-05655-0

Учебник посвящен изучению процессов становления современных наций («нациестроительства»), национальных и националистических движений. Излагаются и обобщаются современные теории отечественной и зарубежной науки, от примордиализма до конструктивизма и инструментализма. Части 1–7 подготовлены докт. ист. наук, профессором А. И. Филюшкиным, часть 8 – докт. ист. наук, профессором С. Е. Федоровым. Учебник предназначен для студентов программ магистратуры «История и теория наций и проблемы национализма», а также может привлечь внимание всех, кто интересуется проблемами становления наций в мировой истории.

УДК 930(075)

ББК 63.3я7

ISBN 978-5-288-05655-0

© Филюшкин А. И., 2016

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2016

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
§ 1. Что такое идентичность?	9
§ 2. Идентичность и понятие этничности	13
Вопросы для самоконтроля	18
Глава 2	19
§ 1. Что такое этнос?	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Федоров, Александр Филюшкин

История и теория наций

и национализма: учебник

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор *Т.В.Кудрявцева* (РГПУ им. А.И.Герцена),

канд. ист. наук *А. А. Паламарчук* (С.-Петербур. гос. ун-т)

Рекомендовано к печати Учебно-методической комиссией Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Введение

Что и зачем мы изучаем, исследуя нации и национализм?

Как описать историю человечества? Что в ней является главным? Повседневная жизнь людей? История развития их сознания, менталитета? История социально-экономических отношений? История культуры? Политическая история? Биографии выдающихся деятелей, «творцов истории»?

Существуют два подхода. Один – выработать некую методологию, предложить «хирургический стол» и методику «препарирования прошлого». Другими словами, ученые разрабатывают теорию и затем применяют ее к прошлому. Например, они разрабатывают теорию революции и начинают искать в прошедших веках «революции рабов», «феодалные революции», «буржуазные революции», хотя очевидно, что большинство участников этих событий и не знало, что они «свершают революцию». Смысл данного подхода – выработать некий научный язык, объяснительную систему, теорию и перевести исторический материал на этот язык, выстроить хаотичные исторические факты в виде некоей системы с причинно-следственными связями.

Плюс данного подхода: история обретает смысл, ее можно истолковать и понять, дать научное объяснение событиям прошлого. Минус: в исторической науке затруднена процедура верификации – проверки научного знания на достоверность. В естественных и точных науках главным инструментом проверки выступают эксперимент и практическое применение (которые показывают, «работает» или «не работает» теория). Теория проверяется практикой. В истории эксперимент и практическая проверка в большинстве случаев просто невозможны (нельзя заново разыграть Куликовскую битву). Отсюда – степень достоверности исторических теорий устанавливается не без затруднений. Многие теории находятся под сильным влиянием презентизма – концепций, объясняющих прошлое с современных точек зрения, исходя из современных политических и экономических воззрений. Их авторы ищут в прошлом революции, реформы, политические партии и другие феномены Нового и новейшего времени, которые нельзя найти, скажем, в Античности и Средневековье. В таких случаях получают красивые объяснения и великолепные исторические описания, имеющие с действительностью мало общего.

Другой подход – попытаться вывести историю прошлого из самого прошлого, т. е. воспроизвести систему мышления и восприятия мира ушедших поколений, попытаться понять, что ими двигало, как они объясняли мотивы своих действий, как понимали окружающий мир и происходящие события. Плюс этого подхода в том, что он меньше препарировывает и конструирует прошлое, в меньшей мере навязывает ему свои, современные смыслы. Историк стоит на твердой базе исторического источника, и с этой точки зрения его исследования более объективны, полнее реконструируют прошлое. Минус этого подхода в том, что с его помощью изучается в основном рефлексия истории в сознании ее творцов, исторических личностей, авторов исторических источников. Но насколько эта рефлексия помогает понять исторический процесс, его скрытые пружины, сам ход истории и ее причинно-следственные связи? Ведь то, что «так думали современники», вовсе не означает, что они думали объективно и поняли происходившее с ними. Достаточно сравнить воспоминания современников, воевавших по разные стороны баррикад (например, представителей красного и белого движения в России в начале XX в., в частности, мемуары солдат и офицеров армий, сражавшихся друг с другом). При этом подходе мы можем описать рефлексию, представления, менталитет, но откроет ли это нам путь к пониманию сущности исторического процесса?

Эти противоречия в полной мере проявляются применительно к предмету, который сегодня получил название «истории наций», «этнической истории», «истории национализма» и т. д. С одной стороны, несомненно объединение людей с древнейших времен в некие сообщества, которые получали свои названия, «имена», и принадлежавшие к ним люди считали себя «одной крови» с соплеменниками, родными по происхождению, близкими если не биологически, то духовно. Имена этих сообществ были принципиальным элементом социальной и культурной идентичности людей («я эллин», «я француз» и т. д.). На основе этих идентичностей и их взаимодействия создавались и разрушались государства, от небольших национальных до великих мировых империй, возникали и уничтожались величайшие культурные достижения человечества. Во имя нации умирали («За Родину!») и убивали других (печально известные этнические чистки, в том числе трагедия Холокоста). Одним словом, роль этнического и национального фактора в истории человечества несомненна и первостепенна. С другой стороны, до сих пор нет четкого понимания, что же такое этничность, этническая или национальная идентичность, как соотносятся понятия народа и нации, что такое национализм и т. д. Причем общепринятых объяснений нет ни на уровне социокультурных представлений общества о себе самом, ни в научной среде.

Здесь также выделяются два подхода. Первый – создать теорию, концепцию этногенеза, этноса, нации, нациестроительства и затем применить данную теорию к историческому материалу. Про этот процесс очень точно сказал немецкий историк Райнхарт Козеллек: «В самое последнее время под названием “этногенез” стало появляться нечто вроде теории минувших трех тысячелетий, а рамках которой с помощью эмпирико-генетического подхода делается попытка анализировать возникновение, изменение и перемещение тех активных коллективов, которые сегодня называются “народом” или “нацией”, а в целях объективации к ним применяется научный термин “этнос”. Продолжая начатое “психологией народов”, “народоведением” и языкознанием, этнология и этносоциология идут дальше, проводя общий и сравнительный анализ вариантов конституирования наций или народов и масс»¹.

Второй подход – изучение конкретных историй этногенеза, нациестроительства, национализма. Но здесь историку работать очень сложно, потому что вопросы происхождения и родства – та сфера, где очень трудно быть объективным (попробуйте беспристрастно рассказать о своих родственниках). Чтобы изучать этническую общность, историк должен как бы вынести себя за скобки этой общности. Об этом точно сказал М. Биллиг: «Чтобы осуществить такое вынесение за скобки, нам необходимо дистанцироваться от себя самих и от того, что мы обычно считаем очевидным или “естественным”. При рассмотрении национализма как идеологии, оказывающей глубокое влияние на современное сознание – и “наше”, и “их”, – все очевидное должно быть поставлено под сомнение. Идеологии – это образцы верований и действий, которые заставляют казаться существующее социальное устройство “естественным” или неизбежным... Чтобы понять эту часть нас самих, нам необходимо попытаться отойти от наших обыденных представлений. Нас не может удовлетворить “естественность” того, что люди, говорящие на одном языке, должны стремиться к созданию национальных объединений. И дело не в опытным испытании веры с целью выяснения ее обоснованности. Аналитик идеологии должен задаться вопросом, откуда эта вера – наша вера – берется и каково ее содержание. Нам необходимо поставить под сомнение – или вынести за идеологические скобки – сами понятия, которые кажутся незыблемыми и которые позволяют нам понимать содержание ежедневных новостей, в том числе такие понятия, как “нация” и даже “язык”. При анализе национализма эти понятия нельзя использовать некритически, потому что они не занимают внешнего положения по отношению к теме, которая должна быть проанализирована»².

¹ Козеллек Р. Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических понятий. Т. 2. М., 2014. С. 324.

² Биллиг М. Нации и языки // Логос. 1995. № 4 (49). С. 62.

Помимо чисто психологической трудности для ученого вынести себя за скобки нации, к которой он принадлежит, заметим, что это действие несет в себе и угрозу научному поиску. Сможет ли ученый правильно понимать и постигать нацию, из которой вынес себя «за скобки»? Не утратит ли он при этом источник адекватной информации? Не получится ли его изучение «извне» слишком наивным, а его самого представители данной нации сочтут «ничего не понявшим» в «нашем менталитете»?

Как видно даже из этой сугубо предварительной постановки нескольких исследовательских проблем, которых на самом деле гораздо больше, проблемы изучения истории этносов, наций, национализма относятся к числу фундаментальных проблем наук о человеке, причем таких, которые пока далеки от своего решения. Но актуальность и необходимость их изучения несомненны. Об этом буквально «кричит» вся история человечества, и этого требуют наши надежды на будущее, поскольку настоящее является «веком национализмов».

Вместе с тем если в науке изучение данной сферы имеет большую и подробно разработанную традицию, то в преподавании гуманитарных дисциплин в России тема «Этносы, нации и национализм» была представлена гораздо слабее, в основном в курсах этнографии и конфликтологии. С 2009 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета для студентов, специализирующихся по кафедре истории славянских и балканских стран (зав. кафедрой профессор А. И. Филюшкин), читался курс «История и теория наций и национализма» применительно к славяно-балканскому региону, давшему нам много примеров конструирования наций и националистических движений. В 2015 г., после объединения с научно-исследовательским проектом кафедры истории Средних веков СПбГУ «*Historia nationem gignit*» (руководитель профессор С. Е. Федоров), в Институте истории СПбГУ была открыта магистерская программа «История и теория наций и проблемы национализма», в рамках которой студенты изучают историю этносов, наций и национализма на материале Западной Европы, Центрально-Восточной Европы и постсоветского пространства, в том числе России.

Данный учебник – первая попытка учебного издания по этой проблематике для студентов магистратуры.

Глава 1

Идентичность и этничность

§ 1. Что такое идентичность?

Идентичность (от англ. identity) – устойчивое представление о принадлежности индивидуума к определенной социальной (культурной, национальной, реальной или воображаемой) общности, которое определяет его систему ценностей, социокультурные ориентиры и предпочтения, мотивацию поведения, представления о «чужих» и «своих».

По определению французского социолога А. Турена, «идентичность – осознанное самоопределение социального субъекта». При этом самоопределении происходит идентификация – «процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризации занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей»³. Идентичность и идентификацию следует различать. Идентичность – это осознаваемое индивидом отождествление личности с определенным набором категорий и ценностей, а *идентификация* – процесс выявления и определения принадлежности к этим категориям и ценностям.

В гуманитарные и политологические науки термин «идентичность» пришел в 1960-е годы из психологии (исследований З. Фрейда), где под ней понимается свойство человеческой психики. Оно проявляется в том, что человеку важно определить свое место в системе социальных координат, определить, к какой социальной, национальной, культурной, религиозной и т. д. общности он относится, какое место в ней занимает, и в соответствии с этим выбрать определенную модель поведения, придерживаться определенной системы ценностей и мотиваций. Как известно, формирование человеческой личности идет через понимание своего отличия от других, в процессе которого возникает представление о своей самости, своем Я («Я не такой, как Он, Она, Они. Я от них отличаюсь тем-то и тем-то»). Это и есть идентичность, понимаемая человеком как самоидентичность. Базовыми в этом процессе являются устойчивые представления о «чужих» (те, на кого я не похож) и «своих» (на кого я похож).

Э. Эриксон определял идентичность как процесс, «находящийся в центре самого индивидуума, так же как и в центре его общественной культуры, процесс, который раскрывает идентичность этих двух идентичностей»⁴. То есть здесь ключевым понятием выступает связь индивидуума с культурой сообщества, которую он принимает или отвергает. По замечанию И. В. Кондакова, «Эриксон определяет идентичность как чувство органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному данной эпохе. Идентичность личности предполагает, следовательно, гармонию присущих ей идей, образов, ценностей и поступков с доминирующим в данный исторический период социально-психологическим образом человека. По Эриксону, обладать идентичностью значит ощущать себя неизменным независимо от ситуации; ощущать связь собственной непрерывности и признания этой непрерывности другими людьми; воспринимать прошлое, настоящее и будущее как единое целое»⁵.

³ Цит. по: Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. Культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М., 2011. С. 39.

⁴ Цит. по: Брубейкер Р, Кутер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 65.

⁵ Кондаков И.В., Соколов КБ., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху... С. 36–37.

С. Холл писал: «Я использую термин “идентичность” для обозначения места пересечения, с одной стороны, дискурсов и практик, пытающихся “интерпеллировать”, определять нас как социальных субъектов определенных дискурсов, и, с другой стороны, процессов, конструирующих субъективность, которые создают нас как темы, на которые можно “говорить”. Идентичности, таким образом, являются областями временной ассоциации с позициями субъектов, которых дискурсивная практика создает для нас»⁶. Следует подчеркнуть, что идентичность не единична. Всегда существуют множественные идентичности одного и того же индивида, иногда пересекающиеся, а иногда даже противоположенные друг другу. Вместе они образуют очень сложную ткань самосознания индивида.

Идентичность всегда носит не объективный, а субъективный характер. Это дискурсивная интерпретация места человека в окружающем социальном и культурном мире. К. Леви-Стросс характеризовал идентичность как «нечто вроде виртуального центра, к которому необходимо обращаться, чтобы объяснить некоторые вопросы, но в реальности не существующего». То есть идентичность – это всегда воображаемый конструкт.

Р. Брубейкер и Ф. Купер предлагают несколько ключевых значений термина, когда:

1) идентичность понимается как фундамент, или базис, социальной или политической активности, как неинструментальный способ социальной и политической практики; в данном случае индивидуальная идентичность противопоставляется гипотетическому универсальному социальному интересу;

2) идентичность понимается как фундаментальное и последовательное тождество между членами одной группы или категории; это тождество находит выражение в солидарности, общем самосознании, коллективных действиях;

3) идентичность понимается как ядро индивидуального или коллективного Я и используется, чтобы указать на нечто глубинное, основательное, значимое или императивное;

4) идентичность понимается как продукт социальной или политической активности; через нее определяются содержание и вид коллективного самопонимания, солидарности или групповой сплоченности, которые делают возможным любое коллективное действие (к которым идентичность побуждает);

5) идентичность понимается как продукт взаимодействия разнообразных дискурсов; этим подчеркивается нестабильная, многогранная, изменчивая и разрозненная природа современного Я⁷.

Таким образом, делают вывод Р. Брубейкер и Ф. Купер:

«1. Идентичность либо есть у всех, либо каждый должен стремиться ее приобрести.

2. Идентичность есть или должна быть у представителей всех групп населения (по крайней мере, определенных групп – этнических, расовых или национальных).

3. Идентичность может быть неосознанной...

4. Сильные понятия коллективной идентичности подразумевают прочную связь между членами группы и ее однородность... значительные различия с не-членами, четкую границу между “своими” и “чужими”»⁸.

Учеными предлагаются различные классификации идентичностей. Их делят на *естественные* (возникающие само собой и не требующие организованной работы по их поддержанию) и *искусственные*. Первые – это идентичности *расовые, природные, географические, аскриптивные* (возраст, пол, кровное родство и др.) и т. д. Другая категория – *искусственные* идентичности (которые придумываются и специально поддерживаются), это идентичности *национальные, профессиональные, социальные, цивилизационные, культурных групп, полити-*

⁶ Цит. по: Брубейкер Р, Купер Ф. За пределами «идентичности». С. 78.

⁷ Там же. С. 73–76.

⁸ Там же. С. 79.

ческие, экономические и т. д. Некоторые идентичности являются *смешанными*, например, гендерные, в них объединены естественные (пол) и искусственные (социальное значение половой принадлежности) идентичности. То же можно сказать об *этнической* идентичности, поскольку в понятии «этнос» также присутствуют и естественные, и социокультурные компоненты.

Также можно говорить об *экзоидентичностях* (внешних, которые присваиваются индивиду извне, например, этностереотипы, которые навязаны другими) и *эндоидентичностях* (самоидентичностях, вырабатываемых самостоятельно).

Идентичности также бывают *индивидуальными* и *групповыми (коллективными)*. Первые вырабатываются индивидом самостоятельно, на основе его психофизических качеств, вторые – проекция и переработка в сознании индивида дискурсов и идей, приходящих извне. «Компонентами коллективной идентичности являются: общее историческое прошлое, историческая память, пространственно-временные концепты, групповая совесть, мифология, религиозные доктрины, общепринятые ритуалы, биосоциальный опыт, система общезначимых моделей-образцов, географическое местоположение и национальное ощущение пространства, преобладающие экономические модели, коллективные мнения, ощущения, предрассудки, семейные образцы, порочные и идеальные прототипы, отношение к чужим ценностям»⁹.

Идентичность тесно связана с *понятиями о «своих» и «чужих»*. После исследований Жана Пиаже считается, что формирование дихотомии «свой – чужой» есть свойство человеческой психики с младенческого возраста. «Свои» – это те, с кем у нас одинаковая идентичность. «Чужие» – наша противоположность, в них мы мысленно помещаем все качества, которые у нас отсутствуют, или хотели бы, чтобы они отсутствовали. То есть «чужой» – это Анти-Я (не путать с «другим», который просто иной, не похож на «своих», но не антагонистичен, не враждебен). Таким образом, идентичность может быть и негативной: «Мы» – «Не-они». Из психологии известен такой механизм формирования идентичности, как узнавание себя через узнавание другого, понимание себя через *необнаружение* в себе качеств, которые есть у «чужих».

В социальных, политических и исторических науках термин «идентичность» распространился в 1960-е годы в США. Переносу понятия идентичности в социологическую сферу способствовали социологическая теория ролей, теория референтных групп, теория социальных конструкций и так называемая социология символических интеракций. Большую роль также сыграли работы Э. Эриксона об эго-идентичности (понятие о цельности личности, которая сохраняется несмотря на все изменения жизненного контекста) и о «кризисе идентичности» (разрушение жизненных ориентиров, потеря человеком веры в свою социальную роль). Понятие этнической идентичности оказалось в фокусе внимания ученых после книги Г.Элпорта «Сущность предрассудка» (1954).

Распространение понятия идентичности в социально-политических науках в 1960-е годы происходило в контексте социальных волнений этого времени (немецкое студенческое движение в ФРГ и Западном Берлине, эмансипационные движения в США, выступления студенческих левых организаций во Франции и т. д.). Все они имели антиавторитарный идеологический окрас, выступали против «господства людей над людьми». Соответственно повышался интерес к индивидууму, к личности, факторам, ее формирующим, и т. п. Использование категории идентичности отвечало многим из насущных задач того времени.

Ф. Брубейкер и Ф. Купер приводят следующую характеристику использования термина в современных социальных науках: «Ясно, что термин “идентичность” пригоден для самого разнообразного использования. Его используют, чтобы подчеркнуть неинструментальную модальность действия; чтобы привлечь внимание к самопониманию в противовес личному интересу; чтобы определить сходство между людьми или периодами; постигнуть предполагаемую суть, базисные аспекты Я; подвергнуть сомнению существование этих аспектов; подчеркнуть

⁹ Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху... С. 37–38.

интерактивность процесса выработки солидарности и коллективного самопонимания; а также выявить раздробленность современного ощущения “себя”, показать, как Я, наспех собранное из клочков дискурса, по-разному активизируется в зависимости от обстоятельств и контекста».

Основная сложность при реконструировании идентичности – это то, что у индивида или общества не бывает одной идентичности. Как выразился Э.Хосбаум, «ментальные идентичности человека – это не ботинки, которые мы можем носить зараз только одну пару»⁸. При этом идентичности могут пересекаться, проникать одна в другую. В разных ситуациях бывают востребованы разные идентичности, а другие в этот момент «засыпают». Мир идентичностей настолько разнообразен, что здесь трудно предложить универсальный научный инструментарий. Ученые выделяют *диффузные идентичности*, т. е. проникающие друг в друга и дающие индивиду разные, иногда даже противоречивые императивы поведения. Можно говорить об *иерархии идентичностей*, *идентичностях разной степени интенсивности* и т. д.

Сегодня ученые рассуждают о «кризисе идентичности» для современного человека. Он теряет веру в свою социальную роль, не понимает своего места в мультикультурном глобальном мире. Рост национализма в какой-то степени является реакцией на глобализацию: люди внутренне протестуют против утраты традиционной, привычной национальной и культурной идентичности. С другой стороны, очевидно, что локальные формы идентичности (в том числе национальные) в их традиционном понимании плохо совместимы с информатизацией, развитием мира как глобального информационного пространства. Какие формы идентичности будут востребованы в будущем и к чему приведет «кризис идентичности» – покажет время.

§ 2. Идентичность и понятие этничности

Одной из форм идентичности выступает *этническая идентичность*, которую сближают с понятием *этничности*.

Под *этничностью* понимают *осознаваемое индивидом чувство принадлежности к той или иной этнической группе¹⁰ в отличие от других людей, которое выражается в наборе определенных культурных признаков.*

В. А. Тишков вслед за Ф. Бартом определяет этничность как «форму социальной организации культурных различий»¹¹. Ж. Девосе и Л. Романуччи-Росс дают следующее определение: «В конечном счете этничность есть социальная форма лояльности и экзистенциальное значение, проистекающее из человеческой потребности иметь преемственную принадлежность. Последнее есть дополнение к использованию этничности в ситуациях, когда определяется отличительность от других». Этничность является «коллективным чувством социальной принадлежности и высшей формой лояльности, связанной с родством и верой в общее происхождение»¹².

При этом мы пока не уточняем, как понимать этническую группу – как этнос, нацию и т. д. В данном случае это не столь важно, принципиальным при рассмотрении понятия этничности является сама постановка вопроса об определении идентичности через некие групповые этнические признаки, этногруппы.

Понятие этничности – переходное и носит скорее инструментальный, чем эвристический характер. Вокруг терминов, которыми ученые обозначают этнические общности, – *племя, народ, нация, этнос* и т. д., очень много споров. Сегодня в науке не существует консенсуса, что же под ними понимать, когда появляется та или иная общность, какими характеристиками она обладает. Чтобы не вести «вечный спор о терминах», и возникла категория этничности, как некое компромиссное понятие, обозначающее бесспорные вещи: 1) обладание индивидом чувством идентичности, связанным с принадлежностью к той или иной этнической общности (а это есть у всех); 2) существование таких общностей, созданных на основе характеристик, которые люди считают этническими.

При этом ученые по-разному объясняют саму потребность в возникновении этничности. Структуралисты считают этничность ответом на некий вызов, кризис в структурах или возникновение новых структур или изменений в окружающей социум среде. Ответом на вызов видится формирование новой этничности через принадлежность к этногруппе. По словам М. Ю. Барбашина, «этногруппы формируют плотные социальные трансрегиональные сети, поддерживая высокий уровень групповой солидарности, осуществляя мониторинг лояльности своих членов и снижая издержки на этносоциальную мобилизацию. Это так называемая “гедонистическая” концепция этничности (“этничность как дом”) как коллективного способа преодоления социальной отчужденности»¹³.

С концепцией «этничность как дом» тесно связана *теория этнического немотизма*, получившая развитие в трудах П. Ван ден Берга.

¹⁰ Лучшее определение группы дано Р. Брубейкером: «Под группой мы понимаем внутренне взаимодействующий, взаимно и сообща признающий, имеющий общую направленность, эффективно коммуницирующий ограниченный коллектив, который обладает чувством солидарности, корпоративной идентичностью и способностью к согласованному действию». – *Брубейкер Р. Этничность без групп*. М., 2012. С. 32.

¹¹ *Тишков В. А. Реквием по этносу*. М., 2003. С. 61.

¹² Цит. по: Там же. С. 102.

¹³ *Барбашин М.Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах*. Ростов н/Д, 2013. С. 15.

Как показал М.Ю.Барбашин, в ее основе лежит идея, согласно которой «этническая солидарность, выживание этногруппы, степень проявления чувства этноидентичности, стремление к доминированию и этноцентризм существуют благодаря тому, что этническая группа представляет собой расширенную семью, обладающую большим набором общих черт: предки, культурное наследие, язык и т. п. Из-за так называемого “эффекта основателя” и повышенной частоты внутрилокальных браков коэффициент родства, усредненный по всей этнической группе как относительно замкнутой популяции, будет существенно выше среднего коэффициента родства между представителями разных этнических групп. Тем самым в этногруппе отношения родственного покровительства и сотрудничества, т. е. того, насколько члены этногруппы могут полагаться друг на друга, являются образцами поведения даже для тех людей, которые не являются между собой родственниками... Непотизм как биологическое инстинктивное предпочтение собственного вида или подгруппы, которое называется “инклюзивной пригодностью”, рассматривается социальными биологами как наиболее общая стратегия по максимизации шансов организма на выживание и как форма естественного отбора, которая сохраняет свое значение и в развитых обществах, где одни группы выживают и приумножают свои гены эффективнее, чем другие»¹⁴.

По словам Ф. Беккер, «современные этнологические концепции понимают культуры не как фиксированные и поддающиеся описанию единицы, а как переходные продукты принципиально незавершенных конструкционных процессов»¹⁵. «Если определять этничность через широко употребляемые центральные понятия “культуры” и “идентичности”, то вся ее концепция превращается в обоюдоострую интерпретирующую модель. В этом случае этничность подразумевает “культуру” как разделяемые образцы поведения, коллективный опыт и нормы, которые выступают как этническая характеристика той или иной группы. С другой стороны, этничность, понимаемая как идентичность, указывает на чувство принадлежности, т. е. [само]идентификацию отдельной личности с определенной этнической группой»¹⁶.

В антропологии для выделения этнических групп используются следующие критерии (признаки):

- 1) население в значительной степени биологически самовоспроизводимо;
- 2) население разделяет фундаментальные культурные ценности, реализованные во внешнем единстве культурных форм;
- 3) население образует поле коммуникации и взаимодействия;
- 4) население характеризуется тем, что принадлежность к группе, идентифицируемой как теми, кто в нее входит, так и теми, кто в нее не входит, конституирует категорию, отличную от других категорий того же порядка¹⁷.

Это определение можно дополнить и другими признаками, с помощью которых определяются этнические группы:

- 5) общее название, имя, которое идентифицирует и определяет принадлежность к сообществу (мы – русские, ирландцы, ливы и т. д.);
- 6) разделяемый всеми членами сообщества миф о общем историко-культурном наследии, содержащий идею об общем происхождении; он обеспечивает для членов группы чувство родства, общности происхождения, единой генеалогии;
- 7) общая историческая память, единые представления об общем прошлом (набор ключевых событий, исторические легенды, «места памяти», мифологизированные герои и т. п.);

¹⁴ Там же. С. 36.

¹⁵ Беккер Ф. Этничность и миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // *Ab Imperio*. 2001. № 3. С. 87.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ Цит. по: Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 11.

8) признаваемые всеми членами сообщества элементы общей культуры (народные обычаи, в том числе бытовые – костюм, оформление жилища, особенности кухни, особенности религиозных культов, свойства языка и т. д.);

9) единые представления об «исторической родине», «земле происхождения», «земле предков»; при этом на ней не обязательно проживать в данный момент, но символическая связь с ней всегда присутствует в культурных представлениях данной этнической группы;

10) чувство общности («мы – большая семья», солидарность, комплиментарность) членов этнической группы, основанное на чувстве родства.

Категория этничности оказывается востребованной в современной науке и современном мире в связи с историко-культурными и демографическими процессами XIX–XX вв. В ходе войн, революций, складывания и крушения колониальной системы люди оказались разделены, разбросаны по разным государствам и континентам. В разных местах возникли крупные и мелкие диаспоры и просто анклав этнически иного населения. Миграции, депортации, этнические чистки, метисация населения, перемещения границ, распад империй и образование новых государств привели к тому, что этносы и нации смешались. По подсчетам В. Коннора, только 15 из 180 современных наций гомогенны, а все остальные являются многонациональными по составу¹⁸.

В этой мультикультурной, миксированной среде человеку важно сохранить свою этническую идентичность как идентичность культурную, идентичность происхождения, идентичность родства с себе подобными. Этнизация выступает социальной, культурной, политической маркировкой. Для ее обозначения и используется категория этничности.

Ф. Беккер отметила, что применяются две объясняющие схемы этничности: *примордиалистская* и *ситуативная*. При примордиалистской схеме этничность воспринимается как некая культурная данность, передаваемая от поколения к поколению. При ситуативной этничность используется как стратегия поведения разных социальных групп в разных ситуациях, т. е. этничность оказывается инструментом манипулирования в культурной и социальной политике. «Ситуативный подход понимает этническую идентичность как результат действия, или как дискурсивный модус, находящихся в конкретно-исторической ситуации действующих индивидуумов, чьи специфические практики полностью социально контекстуализированы. Вместо описания этничности как базисного, эссенциалистского феномена здесь предлагается ее прочтение как некоего регистра возможностей, которые могут быть мобилизованы в ходе социальных практик. Исходя из этого исследуются условия и формы включения этнических категорий в тот или иной дискурс». Этничность предстает «как интерпретирующая модель, как продукт социальной конструкции, служащий символическому отграничению и применяемый каждый раз в зависимости от актуальных интересов. С другой стороны, этничность приравнивается авторами к концепту культуры и этническая идентичность становится в конечном счете объективным типом, который формирует членов группы и не позволяет им приспособливаться к новым условиям»¹⁹.

Другими словами, этничность как идентичность служит не только объединению индивидов в группы, но и их разделению, проведению границ как между индивидами, так и между группами. Здесь получила развитие концепция этнической границы Ф. Барта: «Интересующие нас границы – это, конечно, границы социальные, хотя у них могут быть и территориальные составляющие. Если группа сохраняет свою идентичность, когда ее члены взаимодействуют с другими, в силу вступают критерии определения принадлежности и способы сигнализирования о включенности/исключенности... этническая граница канализирует социальную жизнь: ей соответствует подчас довольно сложная организация поведения и социальных отношений.

¹⁸ Цит. по: *Биллинг М.* Нации и языки // *Логос.* 1995. № 4 (49). С. 75.

¹⁹ *Беккер Ф.* Этничность и миграция... С.72, 75.

Идентификация другого индивида как члена своей группы предполагает наличие разделяемых этими индивидами критериев оценки и суждений. Предполагается, таким образом, что оба в принципе “играют в одну и ту же игру”, и это означает, что между ними образуется потенциал для диверсификации и экстраполяции их социальных связей»²⁰.

Как заметила Ф. Беккер, этничность у Ф. Барта – «это прежде всего стратегия отграничения, некая форма социального взаимодействия между группами или форма действия, с помощью которой утверждается и маркируется культурная инаковость. Говоря короче: определение групп происходит в ходе проведения границ между ними, а не через “объективные” культурные признаки. Последние же “выдергиваются” из общего репертуара культурных образцов собственной или чужой группы и наделяются символическим смыслом с целью использовать их для самоидентификации или отмежевания»²¹.

Наличие подобных границ и «стратегий ограничения» обязательно предполагает выработку принципов взаимодействия обществ «по разную сторону этнической границы». Собственно, вот тут мы и подходим к главной практической проблеме наук, изучающих этничность: каков механизм взаимодействия этнических групп и каким образом, с использованием каких институтов, его можно сделать более гуманным, эффективным, прогрессивным? К сожалению, история дает нам гораздо больше примеров ксенофобии и даже агрессии в отношении «этнически иных». Инструментами регулирования отношений между этническими группами выступают государство, социальные отношения, регулируемые законом и обычаем, этническая политика, культурная политика, демографическая политика, экологическая политика и т. д.

Идеалом здесь выступает, по словам Ф. Барта, «полиэтническое общество, интегрированное в рыночную экономику, контролируемое государственной системой, в которой доминирует одна из групп, но которая оставляет широкое пространство для культурного разнообразия в религиозном и бытовом секторах социальной активности»²². Такое устройство является идеалом современных демократий, и мы видим попытки его реализации (с разной степенью успешности) на примере сегодняшних демократических государств.

С этничностью тесно связано понятие *этнической мобилизации*. Как было показано выше, сам процесс этнизации часто бывает срежессирован, управляем элитами, направлен на решение политических, социальных, культурных задач, является инструментом решения этих задач. Для этого надо актуализировать, возбудить в социальных группах запрос на этничность (именно с этим в современном мире бывает связан рост национализма). Люди как бы мобилизуются в этнические группы, причем порой помимо своей воли. В.А.Тишков назвал этот процесс *политикой этнического предпринимательства*²³. Он хорошо виден на истории территорий с этнически смешанным населением, когда в определенные моменты одна из этничностей начинала искусственно доминировать над другими.

Этнические мобилизации тесно связаны с этнической политикой, которая может приобретать черты радикального национализма (нацизма), мягкого национализма (так называемого культурного национализма, делающего акцент на протекционизме в отношении локальных культур; его вариант – политика мультикультурализма в современных западных демократиях, поощряющая развитие и сохранение чужих этнокультур в ином социуме) и даже этнических чисток, депортаций, дискриминации населения, объявленного этнически чуждым. К сожалению, человеческая история знает немало трагических примеров этнических мобилизаций. Вместе с тем этномобилизационные процессы всегда лежат в основе создания суверенных

²⁰ Барт Ф. Введение. С. 17–18.

²¹ Беккер Ф. Этничность и миграция... С.91.

²² Барт Ф. Введение. С. 19.

²³ Тишков В. А. Реквием по этносу. С. 107.

национальных государств, а также имперской политики, т. е. являются системообразующими в процессе формирования государств в прошлом и настоящем.

Против традиционного определения этничности как групповой идентичности выступил Р. Брубейкер. Он критиковал *«группизм»* – «тенденцию рассматривать ограниченные группы как основные единицы анализа (и как базовые элементы социального мира)... Ограниченные и солидарные группы – один, но и всего лишь один из модусов этничности (и социальной организации вообще). “Групповость” – переменная, а не константа, и из нее невозможно исходить. Она различна не только в разных предполагаемых группах, но и внутри группы: со временем она может прибывать или истощаться, достигая пика в исключительные, но краткие моменты коллективного подъема. Этничность не требует такой групповости. Она действует не только (и даже не столько) в ограниченных группах и влияет через них, но и через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки, рассказы, институты, организации, сети и события. Короче говоря, исследование этничности – даже исследование этнического конфликта – не должно сводиться к изучению этнических групп, они даже не должны быть его главным предметом»²⁴.

Главное в концепции Брубейкера – то, что он настаивает на понимании этничности не как некоей обретаемой константы, но как многогранного процесса: «Этничность, раса и нация должны быть осмыслены не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности – к чему нас подталкивает образ дискретных, конкретных, осязаемых, ограниченных и живучих “групп”, – но в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах. Иными словами, этнизация, расизация и национализация должны пониматься не как субстанциальные группы или сущности, а как практические категории, ситуативные действия, культурные идиомы, когнитивные схемы, дискурсивные фреймы, организационные устои, институциональные формы, политические проекты и случайные события»²⁵. Изучать их необходимо через выделение и изучение категорий описания и самоописания этничности, ее классифицирующих признаков.

Этническая группа может моделироваться, проектироваться и тем самым создавать этничность (а не наоборот, как традиционно считалось, – этничность формирует группу). Здесь важны ее когнитивные рамки и возможности, о которых Брубейкер пишет: «Этничность, раса и национальность являются по существу способами восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они – не вещи-в-мире, а точки зрения на мир. Они включают этнически окрашенные способы видения (и игнорирования), объяснения (и неверного объяснения), вывода (и ошибочного вывода), воспоминания (и забвения). Они включают этнически ориентированные фреймы, схемы и нарративы, а также приводящие их в действие ситуативные сигналы, и не в последнюю очередь – те, что доставляются средствами массовой информации. Они включают системы классификации, категоризации и идентификации – формальные и неформальные. И они включают подразумеваемое, само собой разумеющееся фоновое знание, воплощенное в людях и встроенное в институциональную рутину и практики, через которые люди опознают и воспринимают предметы, места, лиц, действия и ситуации как этнически, расово или национально окрашенные или значимые»²⁶.

²⁴ Брубейкер Р. Этничность без групп. С. 18.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Там же. С. 42.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение идентичности. Приведите точки зрения ученых на проблему идентичности.
2. Чем идентичность отличается от идентификации?
3. Объясните, почему идентичность всегда носит субъективный, а не объективный характер.
4. Какие существуют классификации идентичности?
5. Раскройте понятие «кризиса идентичности».
6. Что такое этничность? Как соотносятся понятия идентичности и этничности?
7. Что такое «теория этнического непотизма»?
8. Какие критерии используются в антропологии для выделения этнических групп?
9. Почему категория этничности востребована в современной науке?
10. В чем особенность подхода к изучению идентичности Р. Брубейкера?

Глава 2

Современные теории этноса

§ 1. Что такое этнос?

Приведем определение: *этнос* (от греч. εθνος; – народ) – исторически сложившаяся совокупность людей, которые обладают специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием (этнонимом), отличают себя от других подобных общностей.

Древнегреческое слово «этнос» изначально означало «племя», «народ», различные аналоги современного понимания этнической группы. С XVIII в. слово «этнос» (в основном в форме прилагательного «этнический») постепенно входит в научный оборот. Одним из первых определений этноса, близкое к современному, дал французский антрополог Ж. Деникер. Большой вклад в теорию этнических групп внес немецкий социолог М. Вебер²⁷. В российской науке введение в оборот понятия этноса связано с именем этнографа С. Широкогова (1887–1939)²⁸. Он сближал этнос с биологическими организмами: «Основной задачей этноса – как и других биологических видов – является поддержка его существования. Показателем успешного существования является состояние “этнической устойчивости”, “этнического равновесия”, т. е. ситуация баланса между численностью конкретного этноса и ресурсами, доступными для поддержания его существования на определенной территории. Достижение баланса зависит не только от отношений между этносом и природной средой, но и от мощи этноса, проявляющейся в его способности противостоять этническому давлению со стороны других групп»²⁹.

Советские этнографы во главе с Ю. В. Бромлеем (1921–1990) разработали дуалистическую концепцию этноса. Она различает два смысла этого понятия:

1. В узком смысле этнос получил название «этникос». Это «исторически сложившаяся на территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксируемым в самоназвании (этнониме)».

²⁷ Бромлей Ю.В. Теория этноса // Свод этнографических понятий и терминов. Т. 2. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. М., 1988. С. 41.

²⁸ Широкогов С. Этнос: исследование основных принципов изменений этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

²⁹ Цит. по: Ушакин С. Жизненные силы русской трагедии: о постсоветских теориях этноса // Ab Imperio. 2005. № 4. С. 240.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.